

1

Тейлор

(сейчас вечер пятницы, и я смотрю, как величайшие умы моего поколения уничтожают себя железяными шотами и синим пойлом, которое подают из сорокалитровых ведер из-под краски. Извиваются покрытые каплями пота тела — полуголые, лихорадочные, загнипнотизированные невидимыми волнами электронного возбуждения. Этот дом кишит психованными студентами, вымещающими свою обиду на родителей, на ничего не подозревающих будущих магистрах бизнес-администрирования. Студентами-политологами, подготавливающими почву для чеков за шантаж, которые они будут выписывать через десять лет.

Типичная вечеринка на Грик-Роу*.

— Ты когда-нибудь замечала, что танцевальная музыка немного похожа на стоны трахающихся пьяниц? — спрашивает Саша Леннокс. Она стоит рядом со мной в углу, где мы втиснулись между часами с маятником и торшером, чтобы как можно лучше слиться с мебелью.

Она права.

* Сектор университетского кампуса, где находятся особняки студенческих сообществ.

Это первые выходные после весенних каникул, а значит, время для ежегодной вечеринки «Весеннее похмелье» в особняке нашего сестринства Капша Хи. Одно из многих событий, которые мы с Сашей называем принудительным весельем. Как члены Капшы мы должны их посещать, даже если наше присутствие скорее декоративное, чем функциональное.

— Никто бы не обиделся, если бы тут была хотя бы мелодия. А это... — Саша морщится от воя сирен, ревущих из динамиков вокруг, после которого начинается греметь очередной сокрушительный бас. — Таковую хрень ЦРУ и использовало на накаченных наркотиками подопытных в проекте «МК-Ультра»*.

Я издаю приглушенный смешок, чуть не давясь стаканом пунша, приготовленного по какому-то рецепту с Ютуба, который я держу вот уже час. У Саши, обучающейся на факультете музыки, почти религиозная неприязнь ко всему, что не исполняется вживую. Она бы предпочла быть в первом ряду на концерте в какой-нибудь забегаловке и слушать звенящую в ушах реверберацию гитары «Гибсон Лес Пол», чем валяться без чувств под сверкающим технокалейдоскопом танцклуба.

Не поймите меня неправильно. Мы с Сашей совсем не против веселья. Мы тусуемся в барах на кампусе, поем караоке в городе (ну, она поет, а я подбадриваю ее в безопасной тени). Черт, мы даже один раз, трезвые как стеклышко, потерялись в Бостонском центральном парке в три часа ночи. Было так темно, что Саша случайно упала в пруд, и ее чуть не совратил лебедь. Поверьте мне, мы знаем, как тусить.

Но студентики, ритуально опаивающие друг друга психотропными веществами, пока не начнут путать

* Секретная программа американского ЦРУ, в которой изучались средства манипулирования сознанием с помощью людей, которые не знали, что на них проводится эксперимент.

опьянение с влечением и заторможенность с чертой характера, — не самое наше любимое веселье.

— Осторожно. — Саша подталкивает меня локтем при звуке криков и свистков из фойе. — Кажется, быть беде.

Стена беззастенчивой мужественности прорывает через входную дверь под хор из «*Брайар! Брайар!*».

Как Уилдлинги, штурмующие Черный замок, голиафы хоккейной команды Университета Брайра шагают по дому с мускулистыми плечами и широкой грудью, возвышаясь над остальными.

— Да здравствуют герои-победители, — саркастично говорю я, и Саша прикрывает рукой ехидную ухмылку.

Хоккейная команда выиграла сегодня матч, благодаря чему прошла в первый этап национального чемпионата. Я знаю об этом, потому что наша сестра по Каппе Линли встречается с запасником, поэтому она снэпчаттила на матче, а не чистила туалеты, пылесосила и готовила напитки к вечеринке тут с нами. Привилегии отношений с королевской особой. Хотя запасник — это не принц Гарри, а, скорее, подсевший на кокаин сынишка его придворного.

Саша вытаскивает телефон из-под резинки своих обтягивающих леггинсов из искусственной кожи и смотрит на время.

Я гляжу на экран и стою. О боже, только одиннадцать вечера? Я уже чувствую, как надвигается мигрень.

— Нет, это хорошо, — говорит она. — Ровно двадцать минут, и эти головорезы опустошат бочку пива. Потом они обчистят то, что осталось от ликера. Я бы сказала, что на этом моя смена закончится. Максимум полчаса.

Шарлотта Кэгни, председательница нашего сестринства, не уточняла, как долго мы должны оставаться, чтобы нам зачли обязательное присутствие. Обычно, как только выпивка заканчивается, все идут искать, где бы продолжить вечеринку, и в этот момент

легко выскользнуть незамеченной. Если повезет, к полудню я вернусь в свою квартиру в Гастингсе и уже буду в пижаме. А Саша наверняка поедет в Бостон и найдет какой-нибудь концерт с живой музыкой.

Мы с ней — отверженные сестры Каппы Хи. Мы обе вступили в ряды сестринства по собственным плохо продуманным причинам. Для Саши это семья. Ее мать, и мать ее матери, и мать матери ее матери, и так далее — все были Каппами, поэтому то, что в академическую карьеру Саши будет входить продолжение этого великого дела, даже не обсуждалось. Либо это, либо прощание с такой «легкомысленной и эгоистичной» специальностью, как музыка. Она выросла в семье врачей, поэтому ее решения и так встречают сильное сопротивление.

А в моем случае... ну, наверное, я планировала «расцвести» в колледже. От лузера в старшей школе до души компании тут. Перевоплощение. Полное преобразование жизни. Но дело в том, что вступление в клубы, ношение их символов и несколько недель священной пропаганды, которые мне пришлось вытерпеть, не возымели должного эффекта. Я не появилась на другой стороне, вся сверкающая и новая. Как будто все пили газировку и видели красивые цвета, а я стояла в темноте со стаканом воды и красным пищевым красителем.

— Привет! — здороваются с нами парень с затуманенными глазами. Он, шатаясь, идет к Саше и при этом разговаривает почему-то с моими сиськами. Из нас обычно получается очень привлекательная женщина, когда мы стоим бок о бок. Ее изящное симметричное лицо и стройная фигура и мои огромные буфера. — Хотите выпить?

— У нас есть! — перекрикивает Саша гремящую музыку.

Мы обе держим почти полные стаканы. Стратегический инструмент, чтобы не подпускать озабоченных парней из братства слишком близко.

— Хотите потанцевать? — спрашивает он, наклоняясь к моей груди так, словно говорит в микрофон, заказывая фаст-фуд из машины.

— Прости, — парирую я, — они не танцуют.

Я не знаю, слышит ли он меня и понимает ли мое пренебрежение, но он кивает и уходит.

— У твоих сисек есть гравитационная сила, которая притягивает только придурков, — говорит Саша, хмыкая.

— Ты даже не представляешь, насколько это правда.

Однажды я проснулась, и на моей груди как будто выросли две огромные опухоли. Со средней школы я вынуждена ходить с этими штуками, которые появляются везде на десять минут раньше меня самой. Не знаю точно, кто из нас представляет друг для друга большую угрозу, я или Саша. Мои сиськи или ее лицо. Она вызывает переполох, просто входя в библиотеку. Парни наперегонки встают в ее присутствии и забывают собственные имена.

В особняке раздается громкий хлопок, от которого народ ежится и прикрывает уши. Все в замешательстве молчат, пока наши барабанные перепонки тонут в затыжном эхе звона в ушах.

— Динамик взорвался! — орет одна из наших сестер из соседней комнаты. Дом заполняют крики «бу-у».

За этим следует безумная паника, и Капшы начинают суматошно искать способ спасти вечеринку, пока наши неутомимые гости не взбунтовались. Саша даже не пытается скрыть свою радость. Она смотрит на меня взглядом, говорящим, что мы, наверное, все-таки сможем сбежать с вечеринки пораньше.

А потом появляется Абигейл Хоббс.

Мы видим, как она плавно проходит через густую толпу в откровенном маленьком черном платье и с завитыми в идеальные кудри платиновыми волосами. Она хлопает в ладоши и голосом, который

мог бы разрезать стекло, требует, чтобы все внимание сосредоточилось на ее ярко-красных губах.

— Слушайте все! Пора поиграть в «Вызов или вызов».

В ответ на это слышатся радостные возгласы, и гостиная еще больше заполняется людьми. Эта игра — популярная традиция Каппы, и правила полностью соответствуют названию. Кто-то бросает тебе вызов, и ты его выполняешь — правду выбрать нельзя. Иногда смешная и часто жесткая, эта игра привела к немалому количеству арестов, как минимум одному исключению и, по слухам, даже к парочке детей.

— Давайте посмотрим... — Вице-председательница нашего дома прикладывает к подбородку маникюренный палец и медленно поворачивается по кругу, оглядывая комнату и выбирая себе первую жертву. — Кто же это будет?

Конечно, взгляд ее дьявольских зеленых глаз останавливается прямо там, где, прижавшись к стене, стоим мы с Сашей. Абигейл марширует к нам со слащавой улыбкой, из девушки так и сочится ехидство.

— Ой, милая, — говорит она мне со стеклянным взглядом девушки, перебравшей с выпивкой. — Расслабься, это вечеринка. Ты выглядишь так, словно только что нашла на коже очередную растяжку.

Пьяной Абигейл становится злобной, а я — ее любимая мишень. Я привыкла к такому, но смех, который она вызывает, когда в очередной раз шутит над моим телом, больно меня ранит. Мои формы отравляют мне существование с двенадцати лет.

— Ой, милая, — подражает ей Саша, демонстративно показывая средний палец. — А не сходить ли тебе на три буквы?

— О-о, да ладно тебе, — хнычет Абигейл издевательским детским голосом. — Тей-Тей знает, что я просто шучу. — Она красноречиво тыкает меня в живот, словно я чертов пончик.

— Мы не забываем о твоей редющей линии роста волос, Абс.

Мне приходится закусить нижнюю губу, чтобы не рассмеяться от реплики Саша. Она знает, что я во время ссор совершенно теряюсь, и никогда не упускает шанс обменяться колкостями в мою защиту.

Абигейл отвечает саркастичным смехом.

— Мы играем или нет? — нетерпеливо спрашивает Джулс Манн, подпевала Абигейл. Высокая брюнетка подходит к нам, изобразив скучающий вид. — В чем дело? Саша опять пытается отвертеться от вызова, как на вечеринке в честь сбора урожая?

— Иди к черту, — парирует Саша. — Вы велели мне кинуть кирпич в окно декана. Не хватало еще, чтобы меня из колледжа выперли из-за ваших детских игр.

Джулс вскидывает бровь.

— Она что, только что оскорбила старинную традицию, Абс? По-моему, так и есть.

— Да, оскорбила. Но не надо переживать, это твой шанс на искупление, Саша, — сладко говорит Абигейл и замолкает. — Хм-м. Твой вызов... — Она поворачивается к своим зрителям, обдумывая задание. Она делает это только ради всеобщего внимания. Она снова смотрит на Сашу. — Сделай Дабл-Дабл, а потом спой нашу симфонию.

Моя лучшая подруга фыркает и пожимает плечами, словно говоря: «И все?»

— Вверх ногами и наоборот, — добавляет Абигейл.

Саша изгибает губы и почти оскаливается на нее, отчего парни рядом весело улюлюкают. Мужики любят женские драки.

— Пофиг. — Закатывая глаза, Саша выступает вперед и трясет руками, как боксер, разминающийся перед боем.

Дабл-Дабл — это еще одна традиция вечеринки Каппы: надо выпить два двойных шота того, что осталось, а потом за десять секунд опустошить пивной бонг

и еще десять секунд пить, стоя вверх ногами. Даже самые крепкие из выпивох редко справлялись с заданием. Добавив ко всему этому стойку на руках с одновременным исполнением песни нашего отделения наоборот, Абигейл просто повела себя как злобная тварь.

Но если из-за вызова Сашу не исключат, то она никогда не будет от него отлынивать. Она собирает свои густые черные волосы в конский хвост, берет рюмку, появившуюся из ниоткуда, и послушно закидывает в себя один шот, а потом второй. Она разделяется с пивным бонгом, пока двое парней из Теты держат для нее воронку, а толпа вокруг ободряюще орет. Под какофонию криков она управляется со стойкой вверх ногами, пока ее поддерживает хоккеист ростом под метр девяносто. Когда она опять оказывается ногами на полу, все впечатлены тем, что она вообще способна стоять, не говоря уже о том, чтобы выглядеть решительной и не качаться. Эта девушка — воин.

— Все в сторону! — объявляет Саша, отгоняя людей от дальней стены.

Гимнастическим движением она выбрасывает руки в воздух и делает как бы полукувырок, так что ее зад прижимается к стене в стойке на руках. Громко и уверенно она горланит слова нашей песни в обратном порядке, пока мы тупо пытаемся мысленно за ней успевать и следить, чтобы она ничего не напутала.

Закончив, Саша элегантно встает на ноги и кланяется толпе под оглушительные аплодисменты.

— Ты гребаный робот, — говорю я, смеясь, когда она подскакивает ко мне, возвращаясь в наш уголок лузеров. — Элегантное приземление.

— Никогда не встречала приземление, с которым я не смогла бы справиться. — Саша на первом курсе собиралась участвовать в отборе на Олимпийские игры как один из лучших прыгунов в мире, но сломала колено, поскользнувшись на льду, и на этом ее карьера гимнастки закончилась.

Не желая, чтобы ее затмевали, Абигейл смотрит на меня.

— Твоя очередь, Тейлор.

Я делаю глубокий вдох. У меня колотится сердце. Я уже чувствую, как горят щеки. Абигейл улыбается, как акула, уловившая дрожь перепуганного тюленя. Я готовлюсь к дьявольскому заданию, которое она для меня придумывает.

— Твой вызов... — Она задумчиво закусывает губу. Я вижу превосходство в ее глазах еще до того, как она открывает рот. — Заставить парня, которого я выберу, отвести тебя наверх.

Тварь.

Слышится похотливое улюлюканье парней, все еще следящих за тем, как разворачивается женское противостояние.

— Брось, Абс. Изнасилование — это не веселая игра. — Саша выступает вперед, заслоняя меня своим телом.

Абигейл закатывает глаза.

— Ой, перестань драматизировать. Я выберу достойную партию. Того, с кем любая захочет попотеть. Даже Тейлор.

Господи, пожалуйста, не заставляй меня это делать.

К моему полнейшему облегчению, помощь приходит от Тейлор Свифт.

— Починили! — кричит девушка из сестринства ровно в тот момент, как музыка снова заполняет дом.

Blank Space Тейлор Свифт вызывает волну взволнованных возгласов, отвлекая все внимание от глупой игры Абигейл. Тьла тут же рассеивается, чтобы заново наполнить свои стаканы и вернуться к ритмичной прелюдии танца.

Спасибо, более горячая и стройная Тейлор.

Но, к моему ужасу, Абигейл непоколебима.

— Хм-м, кто же будет этим счастливымчиком?..

Я подавляю стон. Было наивно думать, что она оставит эту затею. Как только вызов назван, та сестра, которая не выполняет задание, беспощадно наказывается, пока какой-то бедолаге не повезет занять ее место. А если Абигейл на это нацелилась, то это будет длиться вечность если не дольше. Мне и так сложно найти общий язык с остальными сестрами. А после такого я и вовсе стану изгоем.

Она осматривает комнату, стоя на носках, чтобы видеть все доступные варианты. Широкая ухмылка появляется на ее лице, когда она поворачивается обратно ко мне.

— Твой вызов — соблазнить Конора Эдвардса.

Твою ж мать.

Твою ж гребаную мать.

Да, я знаю, кто такой Конор. Все знают. Он из хоккейной команды и завсегдатай вечеринок на Грик-Роу. И завсегдатай кроватей на Грик-Роу. Но больше всего он знаменит тем, что он, наверное, самый горячий парень на третьем курсе. Что делает его птицей совсем не моего полета. Идеальный выбор, если цель этого вызова — мое полное унижение из-за того, что парень прилюдно мне откажет, смеясь при этом мне в лицо.

— Рейчел все еще в Дейтоне, — добавляет Абигейл. — Можете воспользоваться ее спальней.

— Абигейл, пожалуйста, — говорю я, умоляющим тоном. Но моя мольба только подстегивает ее.

— Что такое, Тей-Тей? Не припомню, чтобы у тебя были проблемы с тем, чтобы целоваться ради вызова. Или ты мутишь только с парнями, у которых есть девушка?

Потому что с Абигейл к этому все и сводится: к мести и ошибке, за которую она заставляет меня платить каждый божий день, начиная со второго курса. Сколько бы я ни извинялась и как искренне бы ни сожалела о том, что ее обидела, вся моя жизнь — это утешение Абигейл моими страданиями.

— Тебе надо сходить к врачу, у тебя слишком сильно развился синдром твари, — парирует Саша.

— Бедная Тейлор, такая ханжа. Отвернешься, и она украдет у тебя мужика, — поет Абигейл. Ее издевательство становится хором, когда ей начинает подпевать Джулс.

От их насмешек у меня режет в глазах и немеют пальцы. Я хочу провалиться сквозь землю. Слиться со стеной. Загореться пламенем и раствориться пеплом в алкоголе. Все что угодно, только не я, здесь, сейчас. Я ненавижу лишнее внимание, а их издеательства привлекли взгляды нескольких пьяных лиц рядом. Еще несколько секунд, и весь особняк начнет декларировать строки о том, какая я ханжа, как в ужасной сцене из моего худшего кошмара.

— Ладно! — выпаливаю я. Лишь бы это прекратилось. Все что угодно, лишь бы их заткнуть. — Плевать. Я выполню вызов.

Абигейл победно улыбается. У нее почти текут слюнки.

— Тогда иди за своим мужиком, — говорит она, грациозным движением указывая назад.

Я закусываю губу и повинуюсь этой тонкой руке, а вскоре замечаю Конора у стола для пиво-понга* в столовой.

Мать твою, он высокий. И у него невероятно широкие плечи. Мне не видно его глаз, но я ясно различаю его точеный профиль и длинные светлые волосы, зачесанные назад. Таких красавцев впору запрещать на законодательном уровне.

Соберись и будь умницей, Тейлор.

Глубоко вдохнув, я беру себя в руки и иду к ничего не подозревающему Конору Эдвардсу.

* Игра, в которой надо попасть шариком для пинг-понга в стакан с пивом, стоящий на другом конце этого стола.

2

Конор

У парней сегодня сорвало крышу. Мы пришли на эту вечеринку в сестринстве всего двадцать минут назад, а Гэвин и Алек уже разодрали на себе рубашки и теперь расхаживают вокруг стола для пиво-понга, как пара варваров. Но, должен признать, после того, как мы выиграли матч в плей-оффе*, я и сам чувствую себя первобытным. Еще две победы, и мы в Замороженной Четверке**. Хоть никто и не скажет это вслух из боязни сглазить, но я чувствую, что это наш год.

— Кон, двигай сюда, засранец, — зовет меня Хантер с другого конца комнаты, где они с парнями выстроили ряды рюмок. — Возьми этих двоих олухов с собой.

Мы собираемся вместе с нашими товарищами по команде, краснолицыми и накачанными адреналином. Каждый из нас поднимает рюмку, пока наш капитан, Хантер Дэвенпорт, произносит речь. Ему даже не приходится кричать, потому что минут десять назад музыка заглохла. Я то и дело вижу пани-

* Серия игр на выбывание, в которой участник выбывает после первого проигрыша.

** Финал национального чемпионата.

кующих девушек из сестринства, снующих вокруг динамиков в гостиной.

Хантер обводит всех взглядом.

— Хочу сказать, что чертовски горжусь. В этом сезоне наша команда показала небывалое упорство. Мы поддерживали друг друга, и каждый выложился на максимум. Еще два матча, парни. Еще два, и мы на охоте. Поэтому повеселитесь сегодня. Давайте оторвемся по полной. А потом вернемся для решающего рывка.

Я до сих пор не могу до конца поверить в реальность происходящего. В то, что моя бунтарская задница попала в школу Лиги плюща, к благовоспитанным сыновьям и дочерям аристократов и отцов-основателей. Даже когда я иду с моими пацанами, самыми близкими и родными мне людьми, не считая мамы, я нет-нет да и оглядываюсь через плечо. Как будто во мне вот-вот раскусят самозванца.

После крика «хоккей Брайара!» мы закидываемся шотами. Баки сглатывает и издает гортанный боевой клич, от которого все пугаются, а потом заливаются смехом.

— Полегче, громила. На арене оторвешься, — говорю я ему.

Баки пофиг. Даром что хорошенечко поднабрался. Баки юн, туп, а сегодня еще и полон сомнительных планов. Он очень осчастливит какую-нибудь юную леди, я уверен.

К слову о леди, они быстро окружают стол для пиво-понга, как только мы возобновляем игру. На этот раз Хантер и его девушка Деми играют против меня и Фостера. И девушка Хантера играет грязно. Она стянула с себя худи и осталась только в тонком белом топе поверх черного бюстгалтера, который она использует в качестве стратегического оружия для того, чтобы тыкать своими сиськами нам в лицо и этим нас отвлекать. И это охрененно работает. Фо-

стер до того ослеплен этим зрелищем, что промахивается мимо стола.

— Мать твою, Деми, — ворчу я, — убери их.

— Кого — их? — Она берется за грудь руками и поднимает ее к самой шее, при этом совсем неубедительно притворяясь невинной.

Шарик Хантера легко приземляется в одном из наших стаканов.

Деми мне подмигивает.

— Жаль, но мне не жаль.

— Если твоя девушка захочет снять свой топ, то я сразу же признаю поражение, — говорит Фостер, пытаюсь разозлить Хантера.

И это удается ему слишком легко. Включив режим пещерного человека, Хантер стягивает с себя футболку и надевает ее на Деми, на которой она выглядит как мешковатое платье.

— Глаза на стаканы, кретин.

Я сдерживаю смех, решая не отмечать, что Деми Дэвис выглядела бы горячо даже в холщовом мешке. Было время, когда я был бы не против с ней замутить, но еще до того, как Хантер сам это понял, мы видели, что капитан нашей команды уже сходит по ней с ума. Просто эти двое не сразу все уловили.

У меня на сегодня пока что не особо прекрасные перспективы. Да, шикарные девушки. Брюнетка пытается забраться на меня и поцеловать в шею, когда я попадаю в один из стаканов Хантера и Деми. Но от этих телок так и веет голодом, и пока что ни одна меня не зацепила.

Сказать по правде, женщины уже начинают путаться у меня в голове. Я переспал много с кем с тех пор, как перевелся в Брайар прошлой осенью. Переворачивать мир женщины с ног на голову, заставлять ее чувствовать себя особенной — это мой навык. Но — меня засмеют, если я признаюсь в этом парням, — ни одна из телок, с которой я мучу, не за-